О ты, последняя любовь... (сборник)

Автор:
Федор Марченко

О ты, последняя любовь... (сборник)

Федор Иванович Тютчев

Алла Максимовна Марченко

О Тютчеве написано множество ученых и умных книг, однако вернее всех угадал тайну этой гениальной личности младший современник поэта Иван Тургенев: «О Тютчеве не спорят; тот, кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Сборник избранных стихотворений Федора Тютчева – подарок истинным ценителям русской поэзии.

Федор Иванович Тютчев

О ты, последняя любовь…

Блажен, кто посетил сей мир

Федор Тютчев никогда не считал себя профессиональным литератором, стихи записывал на чем придется, порою на клочке газеты или полях казенной бумаги, чтобы тут же и потерять. Однажды, разбирая архив, сжег по рассеянности чуть ли не все свои юношеские рукописи… Да и семья, в которой он родился, была далека от литературных интересов. Старший зять Федора Ивановича, известный славянофил Иван Аксаков так описывает этот домашний круг, характерный для московского неслуживого дворянства первой четверти XIX века:[1 - Текст, набранный курсивом, принадлежит составителю.]

«…Федор Иванович был второй, или меньший, сын Ивана Николаевича и Екатерины Львовны Тютчевых и родился в 1803 г. 23 ноября, в родовом тютчевском имении, селе Овстуг Орловской губернии Брянского уезда. Тютчевы принадлежали к старинному русскому дворянству. В Никоновской летописи упоминается «хитрый муж» Захар Тутчев, которого Дмитрий Донской, пред началом Куликовского побоища, подсылал к Мамаю со множеством золота и двумя переводчиками для собрания нужных сведений, что «хитрый муж» и исполнил очень удачно. В числе воевод Иоанна III, усмирявших Псков, называется также «воевода Борис Тютчев Слепой». С тех пор никто из Тютчевых не занимал видного места в русской истории ни на каком поприще деятельности. Напротив, в половине XVIII века брянские помещики Тютчевы славились лишь разгулом и произволом, доходившими до неистовства. Однако же отец Федора Ивановича, Иван Николаевич, не только не наследовал этих семейных свойств, но, напротив, отличался необыкновенным благодушием, мягкостью, редкой чистотой нравов и пользовался всеобщим уважением. Окончив свое образование в Петербурге, в Греческом корпусе, основанном Екатериной в ознаменование рождения великого князя Константина Павловича, Иван Николаевич дослужился в гвардии до поручика и на 22 году жизни женился на Екатерине Львовне Толстой, которая была воспитана, как дочь, родной своей теткой, графиней Остерман».

* * *

Федор Иванович Тютчев и по внешнему виду (он был очень худ и малого роста), и по внутреннему духовному строю был совершенной противоположностью своему отцу; общего у них было разве одно благодушие. Зато он чрезвычайно походил на свою мать, Екатерину Львовну, женщину замечательного ума, сухощавого, нервного сложения, с наклонностью к ипохондрии, с фантазией, развитой до болезненности. Отчасти по принятому тогда в светском кругу обыкновению, отчасти, может быть, благодаря воспитанию Екатерины Львовны в доме графини Остерман, в этом, вполне русском, семействе Тютчевых преобладал и почти исключительно господствовал французский язык, так что не только все разговоры, но и вся переписка родителей с детьми и детей между собой, как в ту пору, так и потом, в течение всей жизни, велась не иначе как по-французски. Это господство французской речи не исключало, однако, у Екатерины Львовны приверженности к русским обычаям и удивительным образом уживалось рядом с церковнославянским чтением псалтырей, часословов, молитвенников у себя, в спальной, и вообще со всеми особенностями русского православного и дворянского быта.

<…> В этой-то семье родился Федор Иванович. С самых первых лет он оказался в ней каким-то особняком, с признаками высших дарований, а потому тотчас же сделался любимцем и баловнем бабушки Остерман, матери и всех окружающих. Это баловство, без сомнения, отразилось впоследствии на образовании его характера: еще с детства стал он врагом всякого принуждения, всякого напряжения воли и тяжелой работы. К счастью, ребенок был чрезвычайно добросердечен, кроткого, ласкового нрава, чужд всяких грубых наклонностей; все свойства и проявления его детской природы были скрашены какой-то

особенно тонкой, изящной духовностью. Благодаря своим удивительным способностям, учился он необыкновенно успешно. Но уже и тогда нельзя было не заметить, что учение не было для него трудом, а как бы удовлетворением естественной потребности знания. В этом отношении баловницей Тютчева являлась сама его талантливость. Скажем, кстати, что ничто вообще так не балует и не губит людей в России, как именно эта талантливость, упраздняющая необходимость усилий и не дающая укорениться привычке к упорному, последовательному труду. Конечно, эта даровитость нуждается в высшем, соответственном воспитании воли, но внешние условия нашего домашнего быта и общественной среды не всегда благоприятствуют такому воспитанию; особенно же мало благоприятствовали они при той материальной обеспеченности, которая была уделом образованного класса в России во времена крепостного права. Впрочем, в настоящем случае мы имеем дело не просто с человеком талантливым, но и с исключительной натурой – натурой поэта».

* * *

…Ему было почти девять лет, когда настала гроза 1812 года. Родители Тютчева провели все это тревожное время в безопасном убежище, именно в г. Ярославле; но раскаты грома были так сильны, подъем духа так повсеместен, что даже вдали от театра войны не только взрослые, но и дети, в своей мере, конечно, жили общей возбужденной жизнью. Нам никогда не случалось слышать от Тютчева никаких воспоминаний об этой године, но не могла же она не оказать сильного непосредственного действия на восприимчивую душу девятилетнего мальчика. Напротив, она-то, вероятно, и способствовала, по крайней мере в немалой степени, его преждевременному развитию, что, впрочем, можно подметить почти во всем детском поколении той эпохи. Не эти ли впечатления детства как в Тютчеве, так и во всех его сверстниках-поэтах зажгли ту упорную,

пламенную любовь к России, которая дышит в их поэзии и которую потом уже никакие житейские обстоятельства не были властны угасить?

Иван Сергеевич Аксаков.

Из книги «Биография Федора Ивановича Тютчева»

Повезло будущему поэту с первым наставникам. Вернувшись «после француза» в Москву, собственный дом, к счастью, уцелел, Иван Тюпгчев, по совету добрых знакомых, пригласил к младшему сыну лучшего в городе учителя словесности Семена Раича. Талантливый педагог, к тому же поэт, Раич не только оказал благотворное влияние на «умственное и нравственное сложение» своего талантливого воспитанника, но и утвердил в нем литературное направление. Он же привил своему питомцу особую любовь к античной классике и вкус к переводу. По инициативе учителя четырнадцатилетний Тютчев перевел, а затем и прочел на одном из собраний Общества любителей российской словесности знаменитое стихотворение Горация «Послание к Меценату». Перевод был одобрен и вскоре напечатан. В том же 1818 году Тютчев поступил в Московский университет.

Живой и общительный, Тютчев легко заводил знакомства, но всерьез, на всю оставшуюся жизнь подружился лишь с Михаилом Погодиным, будущим известным историком. Воспоминания По година сохранили для нас образ юного беззаботного Тютчева:

«…Мне представился он в воображении, как в первый раз пришел я к нему, университетскому товарищу, на свидание во время вакации, пешком из села Знаменского, под Москвой, на Серпуховской дороге, в Троицкое, на Калужской, где жил он в своем семействе… молоденький мальчик, с румянцем во всю щеку, в зелененьком сюртучке, лежит он, облокотясь на диване, и читает книгу. Что это у вас? Виландов «Агатодемон». Или вот он, на лекции в университете, сидит за моею спиной на второй лавке и, не слушая Каченовского, строчит на него эпиграммы (они у меня целы)».

М. П. Погодин.

Из «Воспоминаний о Ф. И. Тютчеве»

Федору Тютчеву не было еще и восемнадцати лет, когда он успешно сдал последний университетский экзамен и получил кандидатскую степень. Диплом с отличием и родственные связи позволяли рассчитывать на блестящую карьеру, так, во всяком случае, считали родители, но сам кандидат о будущем не задумывался, он жил настоящим. Его первый биограф, уже известный нам Иван Сергеевич Аксаков, пишет:

«…Сам он весь отдался своему настоящему. Жаркий поклонник женской красоты, он охотно посещал светское общество и пользовался там успехом. Но ничего похожего на буйство и разгул не осталось в памяти об нем у людей, знавших его в эту первую пору молодости. Да буйство и разгул и не свойственны были его природе: для него имели цену только те наслаждения, где было место искреннему чувству или страстному поэтическому увлечению. Не осталось также, за это время, никаких следов его стихотворческой деятельности: домашние знали, что он иногда забавлялся писанием остроумных стишков на разные мелкие случаи, и только».

Из книги «Биография Федора Ивановича Тютчева».

Аксаков не совсем прав: и в ранней юности Тютчев писал не только остроумные стишки на случай. В университетские годы, например, создано стихотворение «К

оде Пушкина на Вольность». При всем своем уважении к дивному гению семнадцатилетний дилетант решительно с ним не согласен, по его мнению, назначение поэта в том, чтобы смягчать, а не ожесточать сердца.

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея

И заглушая звук цепей,

Проснулся в лире дух Алцея —

И рабства пыль слетела с ней.

От лиры искры побежали

И вседробящею струей,

Как пламень Божий, ниспадали

На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,

Забыв их сан, забыв их трон,

Вещать тиранам закоснелым

Святые истины рожден!

И ты великим сим уделом,

О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья

Разнежь, растрогай, преврати

Друзей холодных самовластья

В друзей добра и красоты!

Но граждан не смущай покою

И блеска не мрачи венца,

Певец! Под царскою парчою

Своей волшебною струною

Смягчай, а не тревожь сердца!

Ноябрь (?) 1820

Москва

Кто из родителей поэта принял решение, неизвестно, но на семейном совете Федору было объявлено, что в Петербурге ему приготовлено приличное место в Государственной коллегии иностранных дел. Тютчев не возражал: Петербург так Петербург. Однако и двух месяцев не прошло, как дорога его жизни сделала новый и, как вскоре выяснилось, опять-таки роковой поворот.

* * *

В 1822 году Тютчев был отправлен в Петербург, на службу в Государственную коллегию иностранных дел. Но в июне месяце того же года его родственник, знаменитый герой Кульмской битвы, потерявший руку на поле сражения, граф А. И. Остерман-Толстой посадил его с собой в карету и увез за границу, где и пристроил сверхштатным чиновником к русской миссии в Мюнхене.

«Судьбе угодно было вооружиться последней рукой Толстого (вспоминает Федор Иванович в одном из писем своих к брату лет 45 спустя), чтоб переселить меня на чужбину…»

В 1822 году переезд из России за границу значил не то, что теперь. Это просто был временный разрыв с отечеством. Железных дорог и электрических телеграфов тогда еще и в помине не было; почтовые сообщения совершались медленно; русские путешественники были редки. Отвергнутый от России в самой ранней, нежной молодости, когда ему было с небольшим 18 лет, закинутый в дальний Мюнхен, предоставленный сам себе, Тютчев один, без руководителя, переживает на чужбине весь процесс внутреннего развития, от юности до зрелого мужества, и возвращается в Россию на водворение, когда ему

пошел уже пятый десяток лет. Двадцать два года лучшей поры жизни проведены Тютчевым за границей…

Иван Сергеевич Аксаков.

Из «Биографии Федора Ивановича Тютчева»

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ (Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале

Кедр одинокий под снегом белеет,

И сладко заснул он в инистой мгле,

И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,

Что в дальных пределах Востока,

Под пламенным небом, на знойном холму

Стоит и цветет, одинока…

Не ранее апреля 1823–1824

Мюнхен

В Мюнхене Тютчев познакомился и вскоре дружески сошелся с Генрихом Гейне. Гейне в ту пору еще учился в Боннском университете, но песни и романсы, написанные на его стихи, распевала вся молодая Германия.

Тютчев не только дружит с Гейне, но с увлечением переводит его стихи. Он вообще много переводит. Из Шекспира. Из Гёте. Из Байрона. И вот что интересно: через полтора десятка лет Лермонтов выберет для переложения на русский язык те же самые тексты! И из Гёте, и из Байрона!

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ (Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в нашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

Не позднее середины 1826

ПЕСНЯ (Из Шекспира)

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,

Из зияющих гробов,

В сумрак месяца сырой

Высылают мертвецов!..

Конец 20-х, начало 30-х гг.

Из человека заурядного разлука с родиной, затянувшаяся на целых двадцать два года, могла сделать либо убежденного космополита, либо квасного патриота. Тютчев не стал ни тем, ни другим. Как сверхштатный чиновник он был достаточно свободен, чтобы не ограничить себя мюнхенским дипломатическим кругом.

Ни политической, ни дипломатической карьеры Тютчев не сделал, хотя современники и утверждают, что

«политика и история были любимым занятием его ума и жизни; опираясь на историю, он являлся убедительным, логичным и часто весьма строгим судьею времени и его событий и личностей; вдохновляясь заботами настоящего, любовью к человечеству и к своему народу в особенности, он вносил в это обсуждение событий ту свободу мысли, тот пыл и жар души, которые придавали его логике столько красноречия и с тем вместе столько прелести. Он любил спор и спорил, как мало людей умеют спорить: с смирением к своему мнению и с уважением к чужому, хотя узкий взгляд, предвзятое мнение и деспотическое своеволие мысли всегда заставляли его страдать».

В. П. Мещерский.

Из «Моих воспоминаний»

* * *

О том, что и этот проницательный ум, и эту удивительную жизнь не в меньшей степени, чем история и политика, вдохновляли волнения страсти, знали лишь самые близкие. Тютчев был не просто влюбчив, он был верноподданным женской прелести и красоты. За частую совершенно бескорыстным.

Любовь к женщине была для него не просто занятием, а тем таинственным источником поэтической энергии, при угасании которого жизнь становилась похожей на «подстреленную птицу»…

Страстность да редкостный в человеке интеллектуального склада дар – безоглядно влюбляться и любить всем напряжением душевных сил – видимо, и обеспечивали ему заинтригованное внимание даже светских «львиц»; его вообще, как это ни странно, обожали женщины. И прощали все, даже неказистую внешность (малый рост, худобу, некрасивость). Вторая жена поэта, умница и красавица, за глаза называла его не иначе, как «чаровник».

К Н

Твой милый взор, невинной страсти полный,

Златой рассвет небесных чувств твоих

Не мог – увы! – умилостивить их —

Он служит им укорою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,

Они, о друг, бегут, как приговора,

Твоей любви младенческого взора,

Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодеянье;

Как жизни ключ, в душевной глубине

Твой взор живет и будет жить во мне:

Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горе духов блаженных свет,

Лишь в небесах сияет он, небесный;

В ночи греха, на дне ужасной бездны,

Сей чистый огнь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

ПРОБЛЕСК

Слыхал ли в сумраке глубоком

Воздушной арфы легкий звон,

Когда полуночь, ненароком,

Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,

То замирающие вдруг…

Как бы последний ропот муки,

В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое Зефира

Взрывает скорбь в ее струнах...

Ты скажешь: ангельская лира

Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга

Душой к бессмертному летим!

Минувшее, как призрак друга,

Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,

Как сердцу радостно, светло!

Как бы эфирною струею

По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;

Мы в небе скоро устаем, —

И не дано ничтожной пыли

Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным

Прервем на час волшебный сон,

И взором трепетным и смутным,

Привстав, окинем небосклон, —

И отягченною главою,

Одним лучом ослеплены,

Вновь упадаем не к покою,

Но в утомительные сны.

Не позднее осени 1825

Осенью 1825 года Тютчев наконец-то получил законный отпуск. Роковой декабрь застал его в Москве. В городском родительском доме. В июле 1826-го были повешены зачинщики «возмущения», а в августе Федор Иванович написал свой знаменитый политический памфлет «14-ое декабря 1825».

Взгляд Тютчева и на само декабрьское восстание, и на декабристов резко отличается от типично либерального, однако и с консервативной точкой зрения не совпадает: он осуждает декабристов не за то, что осмелились поднять меч на помазанника Божия, то бишь царя, а за то, что они, «жертвы безрассудной и недозрелой мысли», не сообразили: ни кровь, пролитая за святое дело, ни жар их любви к несчастной отчизне не смогут растопить «вековую громаду льдов» – русский «вечный полюс» общественного холода.

14-ОЕ ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,

И меч его вас поразил, —

И в неподкупном беспристрастье

Сей приговор Закон скрепил.

Народ, чуждаясь вероломства,

Поносит ваши имена —

И ваша память от потомства,

Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,

Вы уповали, может быть,

Что станет вашей крови скудной,

Чтоб вечный полюс растопить!

Едва, дымясь, она сверкнула

На вековой громаде льдов,

Зима железная дохнула —

И не осталось и следов.

Не ранее августа 1826

Парные портреты братьев Тютчевых были заказаны родителями неизвестному, видимо, крепостному, художнику осенью 1825 года, когда младший сын после трехлетней разлуки приехал наконец в отпуск и оба брата вновь оказались вместе, под крышей отчего дома.

Братья Тютчевы, несмотря на то, что трудно сыскать двух столь разительно непохожих людей, были невероятно дружны с самого раннего детства, благо разница в возрасте была незначительной. Николай Иванович, пошедший и характером, и внешностью в отца, – практичный, добрый, легкий в быту, относился к семье Федора как если бы это была его собственная семья.

Основательный, крайне ответственный, он порой выходил из себя, в сердцах называя брата пустейшим человеком, но быстро успокаивался и снова тянул семейную лямку. К нему, а не к мужу обращалис ь в случае той или иной неотложной хозяйственной нужды и жены Федора Ивановича. Николай Иванович никогда не отказывал невесткам в помощи.

Вернувшись из России в Мюнхен (в самом начале 1826 года), Тютчев скоропалительно сблизился (зажил одним домом) с молодой вдовой Элеонорой Ботмер: у нее было трое маленьких сыновей от первого брака, и она была значительно старше своего «тайного супруга». Злые языки судачили: господин Тютчев сошелся с вдовушкой с досады. Дело в том, что почти сразу же по приезде в 1822 году в Мюнхен Федор Иванович романтически влюбился в красавицу Амалию, внебрачную дочь немецкого аристократа графа Лерхенфельда, в ту пору четырнадцатилетнюю девочку. За время отсутствия поэта бесприданница Амалия сделала удачную партию – вышла замуж за дипломата русской службы барона Крюденера.

Брак Федора Тютчева (любовники в конце концов, после трех лет совместной жизни, обвенчались, как только Элеонора забеременела) оказался по чти удачным. Элеонора обожала мужа; чувство было столь всепоглощающим, что она отослала сыновей – на пожизненное воспитание – к родственникам умершего супруга; не слишком, похоже, занимали ее душу и дочери, рожденные от «Теодора» – русское имя своего мужа Элеонора не умела выговорить. Впрочем, и Тютчев долго был равнодушен к прелестной троице, пока девочки одна за другой не повзрослели.

CACHE-CACHE[2 - Игра в прятки (франц.). – Ред.]

Вот арфа ее в обычайном углу,

Гвоздики и розы стоят у окна,

Полуденный луч задремал на полу:

Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,

Где, где приютилась сильфида моя?

Волшебную близость, как бы благодать,

Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,

Недаром, о розы, на ваших листах

Жарчее румянец, свежей аромат:

Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?

В струнах ли мечтаешь укрыться златых?

Металл содрогнулся, тобой оживлен,

И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,

Как искры живые в родимом огне!

Видал я сей пламень в знакомых очах,

Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,

Притворно-беспечный, он начал порхать.

О, полно кружиться, мой гость дорогой!

Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

Не позднее 1828

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар

С главы своей земля скатила,

И мирный вечера пожар

Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли

И тяготеющий над нами

Небесный свод приподняли

Своими влажными главами.

Река воздушная полней

Течет меж небом и землею,

Грудь дышит легче и вольней,

Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,

По жилам пробежал природы,

Как бы горячих ног ея

Коснулись ключевые воды.

Не позднее 1828

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,

И в оный час явлений и чудес

Живая колесница мирозданья

Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,

Беспамятство, как Атлас, давит сушу;

Лишь Музы девственную душу

В пророческих тревожат боги снах!

1828 – не позднее первой половины 1829

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,

Томительная ночи повесть!

Язык для всех равно чужой

И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,

Среди всемирного молчанья,

Глухие времени стенанья,

Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый

Неотразимый Рок настиг —

И мы, в борьбе, природой целой

Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,

Как призрак, на краю земли,

И с нашим веком и друзьями

Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя

Меж тем на солнце расцвело,

А нас, друзья, и наше время

Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный

Свершая в полуночный час,

Металла голос погребальный

Порой оплакивает нас!

Не позднее 1829

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,

Ночной омытая грозой,

И между гор росисто вьется

Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины

Туманы покрывают скат,

Как бы воздушные руины

Волшебством созданных палат.

Не позднее 1829

Зальцбург (?)

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилася гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Гор?е, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

Не позднее 1829

Зальцбург

K N.N

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —

Когда в толпе, украдкой от людей,

Моя нога касается твоей —

Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,

Движенье персей, взор, улыбка та ж…

Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,

Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,

Ты тайным радостям узнала цену,

Узнала свет: он ставит нам в измену

Все радости… Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,

Он улетел с твоих младых ланит —

Так с юных роз Авроры луч бежит

С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной

Лестней для чувств, приманчивей для взгляда

Смотреть, в тени, как в кисти винограда

Сверкает кровь сквозь зелени густой.

Не позднее 1829

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

Не позднее 1829

«Еще шумел веселый день…»

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносилися порой
Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье…

Затих повсюду шум и гам,

И воцарилося молчанье —

Ходили тени по стенам

И полусонное мерцанье…

Украдкою в мое окно

Глядело бледное светило,

И мне казалось, что оно

Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня

Какой-то миротворный гений

Из пышно-золотого дня

Увлек, незримый, в царство теней.

Не позднее 1829

Самый легкий намек вызывал в нем (Тютчеве – А. М.) сочувственный отклик. К нему можно было применить без всякой натяжки истасканное сравнение души поэта с натянутыми струнами эоловой арфы, не пропускающей без отзыва ни малейшего движения в воздухе, откуда бы оно ни шло, с севера или юга, с запада или востока.

Ю. Ф. Самарин.

Из письма к И. С. Аксакову

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной

Далекий колокольный звон,

Как шорох стаи журавлиной,

И в шуме листьев замер он.

Как море вешнее в разливе,

Светлея, не колыхнет день, —

И торопливей, молчаливей

Ложится по долине тень.

Не позднее 1829

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый,

Лениво катится река,

И в тверди пламенной и чистой

Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,

Дремота жаркая объемлет,

И сам теперь великий Пан

В пещере нимф покойно дремлет.

Не позднее 1829

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,

Когда весенний, первый гром,

Как бы резвяся и играя,

Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,

Вот дождик брызнул, пыль летит,

Повисли перлы дождевые,

И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,

В лесу не молкнет птичий гам,

И гам лесной и шум нагорный —

Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,

Кормя Зевесова орла,

Громокипящий кубок с неба,

Смеясь, на землю пролила.

Не позднее 1828

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками

Встречает молнии полет

И неподвижными очами

В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,

О лебедь чистый, твоего —

И чистой, как ты сам, одело

Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,

Лелеет твой всезрящий сон —

И полной славой тверди звездной

Ты отовсюду окружен.

1828–1829

«Ты зрел его в кругу большого света…»

Ты зрел его в кругу большого света —

То своенравно-весел, то угрюм,

Рассеян, дик иль полон тайных дум,

Таков поэт – и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как

об лак тощий,

Он в небесах едва не изнемог, —

Настала ночь – и, светозарный бог,

Сияет он над усыпленной рощей!

Декабрь 1829 – начало 1830

«В толпе людей, в нескромном шуме дня…»

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,
Наступит ночь – и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

1829 – начало 1830

«Как океан объемлет шар земной…»

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит…
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной

Таинственно глядит из глубины, —

И мы плывем, пылающею бездной

Со всех сторон окружены.

Не позднее первых месяцев 1830

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,

С бледно-зеленой гривой,

То смирный, ласково-ручной,

То бешено-игривый!

Ты буйным вихрем вскормлен был

В широком божьем поле;

Тебя он прядать научил,

Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,

В своей надменной силе,

Густую гриву растрепав

И весь в пару и мыле,

К брегам направив бурный бег,

С веселым ржаньем мчишься,

Копыта кинешь в звонкий брег

И – в брызги разлетишься!..

1830, не ранее марта

Тютчев, казалось бы, настолько акклиматизировался в Европе, что почти не вспоминает о России… Лишь настойчивые просьбы родителей, которым не терпится увидеть невестку и внучек, заставляют его выписать отпускную подорожную не на блаженный Юг, а на почти позабытый Север…

«Здесь, где так вяло свод небесный…»

Здесь, где так вяло свод небесный

На землю тощую глядит, —

Здесь, погрузившись в сон железный,

Усталая природа спит…

Лишь кой-где бледные березы,

Кустарник мелкий, мох седой,

Как лихорадочные грезы,

Смущают мертвенный покой.

Конец мая 1830,

По дороге из Мюнхена в Россию

Старикам Тютчевым пришелся по сердцу выбор сына; немецкая невестка была трогательна в своей преданности мужу, светский Петербург также благосклонно отметил романтическую, в духе времени и моды, внешность госпожи Тютчевой.

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла – еще курясь, лежал

Высокий дуб, перунами сраженный,

И сизый дым с ветвей его бежал

По зелени, грозою освеженной.

А уж давно, звучнее и полней,

Пернатых песнь по роще раздалася,

И радуга концом дуги своей

В зеленые вершины уперлася.

Июль – август 1830

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой

Слился, как дым, небесный свод, —

Там в беззаботности веселой

Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,

Зарывшись в пламенных песках,

Оно стеклянными очами

Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом

Припав к растреснутой земле,

Чему-то внемлет жадным слухом

С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье[3 - Речь идет о так называемых водоискателях, умевших чуять «ток подземных вод». По всей вероятности, Тютчев подозревал, что и он подвержен этому, с точки зрения нормальных людей, «безумию», поскольку понимал, слышал и видел в природе то, чего напрочь не замечали окружающие.],

Что слышит ток подземных вод,

И колыбельное их пенье,

И шумный из земли исход!..

1830

ДВУМ СЕСТРАМ

Обеих вас я видел вместе —

И всю тебя узнал я в ней…

Та ж взоров тихость, нежность гласа,

Та ж прелесть утреннего часа,

Что веяла с главы твоей!

И все, как в зеркале волшебном,

Все обозначилося вновь:

Минувших дней печаль и радость,

Твоя утраченная младость,

Моя погибшая любовь!

Июнь – сентябрь 1830

Трудно утверждать наверняка, однако не исключено, что бледность и туманный вид очаровательной жены поэта могут быть объяснены тайной, невысказанной, от себя самой скрываемой ревностью к младшей сестре Клотильде, к юной прелести которой Тюпгчев был явно неравнодушен.

Так, по мнению А. Полонского, автора книги «Прогулки с Тютчевым по Мюнхену», стихотворение «Обеих вас я видел вместе…» (вольная вариация на тему стихотворения Гейне «Двум сестрам») наполнено личными переживаниями. Он убежден, что адресатами являются жена Федора Ивановича Элеонора и ее младшая сестра юная красавица Клотильда Ботмер и что Тютчев – «во власти сложных чувств к обеим». Клотильда в течение двенадцати лет, вплоть до смерти старшей сестры, жила в доме Тютчевых как крестная мать их дочерей. В

нее многие были влюблены. В том числе и Генрих Гейне. Не было недостатка и в женихах. Но Клотильда отказывала решительно всем претендентам. Лишь после того, как Федор Иванович, овдовев, женился (вторым браком) на Эрнестине фон Дёрнбер г, тридцатилетняя девица Ботмер наконец-то приняла предложение давным-давно влюбленного в нее барона фон Мальтица. А. Полонский полагает также, что именно Клотильде посвящено знаменитое стихотворение Тютчева 1870 года «Я встретил вас – и все былое…». Об этом же косвенно свидетельствуют и воспоминания старшей племянницы Клотильды – Анны. Рассказывая дочери о молодости ее матери, о путешествиях, которые они предпринимали, Федор Иванович все время видит рядом с женой свояченицу.

СТРАННИК

Угоден Зевсу бедный странник,

Над ним святой его покров!..

Домашних очагов изгнанник,

Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук созданье,

С разнообразием своим,

Лежит развитый перед ним

В утеху, пользу, назиданье…

Чрез веси, грады и поля,

Светлея, стелется дорога, —

Ему отверста вся земля,

Он видит все и славит Бога!

1830

АЛЬПЫ

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалеет,
Чарам гибельным конец —
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из злата
Вся воскресшая семья!..

1830

«Сей день, я помню, для меня…»

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:

Стояла молча предо мною,

Вздымалась грудь ее волною,

Алели щеки, как заря,

Все жарче рдея и горя!

И вдруг, как солнце молодое,

Любви признанье золотое

Исторглось из груди ея…

И новый мир увидел я!..

1830

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил

Средь бурь гражданских и тревоги:

«Я поздно встал – и на дороге

Застигнут ночью Рима был!»

Так!., но, прощаясь с римской славой,

С Капитолийской высоты

Во всем величье видел ты

Закат звезды ее кровавой!..

Блажен, кто посетил сей мир

В его минуты роковые![4 - Существует предположение, что стихотворение является откликом на «роковые» события Июльской революции 1830 года во Франции.]

Его призвали всеблагие

Как собеседника на пир.

Он их высоких зрелищ зритель,

Он в их совет допущен был —

И заживо, как небожитель,

Из чаши их бессмертье пил!

Август – сентябрь 1830

«Через ливонские я проезжал поля…»

Через ливонские я проезжал поля,

Вокруг меня все было так уныло…

Бесцветный грунт небес, песчаная земля —

Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли —

Кровавую и мрачную ту пору,

Когда сыны ее, простертые в пыли,

Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,

И на тебя, прибрежная дуброва,

«Вы, – мыслил я, – пришли издалека,

Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось

Дойти до нас с брегов другого света.

О, если б про него хоть на один вопрос

Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит

С улыбкою двусмысленной и тайной, —

Так отрок, чар ночных свидетель быв

случайный,

Про них и днем молчание хранит.

Начало октября 1830

По дороге из Петербурга в Мюнхен

«Песок сыпучий по колени…»

Песок сыпучий по колени…

Мы едем – поздно – меркнет день,

И сосен, по дороге, тени

Уже в одну слилися тень.

Черней и чаще бор глубокий —

Какие грустные места!

Ночь хмурая, как зверь стоокий,

Глядит из каждого куста!

Начало октября 1830

По дороге из Петербурга в Мюнхен

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров

Умильная, таинственная прелесть:

Зловещий блеск и пестрота дерев,

Багряных листьев томный, легкий шелест,

Туманная и тихая лазурь

Над грустно-сиротеющей землею,

И, как предчувствие сходящих бурь,

Порывистый, холодный ветр порою,

Ущерб, изнеможенье – и на всем

Та кроткая улыбка увяданья,

Что в существе разумном мы зовем

Божественной стыдливостью страданья.

Сентябрь – октябрь 1830

MAL’ARIA[5 - Зараженный воздух (итал.). – Ред.]

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие, незримо

Во всем разлитое, таинственное Зло —

В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,

И в радужных лучах, и в самом небе Рима.

Все та ж высокая, безоблачная твердь,

Все так же грудь твоя легко и сладко дышит,

Все тот же теплый ветр верхи дерев колышет,

Все тот же запах роз, и это все есть

Смерть!..

Как ведать, может быть, и есть в природе

звуки,

Благоухания, цвета и голоса,

Предвестники для нас последнего часа

И усладите ли последней нашей муки.

И ими-то Судеб посланник роковой,

Когда сынов Земли из жизни вызывает,

Как тканью легкою свой образ прикрывает,

Да утаит от них приход ужасный свой!

1830

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели

Всю зиму торчат,

В снега и метели

Закутавшись, спят.

Их тощая зелень,

Как иглы ежа,

Хоть ввек не желтеет,

Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,

Цветем и блестим

И краткое время

На сучьях гостим.

Все красное лето

Мы были в красе,

Играли с лучами,

Купались в росе!..

Но птички отпели,

Цветы отцвели,

Лучи побледнели,

Зефиры ушли.

Так что же нам даром

Висеть и желтеть?

Не лучше ль за ними

И нам улететь!

О буйные ветры,

Скорее, скорей!

Скорей нас сорвите

С докучных ветвей!

Сорвите, умчите,

Мы ждать не хотим,

Летите, летите!

Мы с вами летим!..

Сентябрь – октябрь 1830

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят…

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

Не позднее 1830

SILENTIUM![6 - Молчание! (лат.). – Ред.]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —

Пускай в душевной глубине

Встают и заходят оне

Безмолвно, как звезды в ночи, —

Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.

Взрывая, возмутишь ключи, —

Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —

Есть целый мир в душе твоей

Таинственно-волшебных дум;

Их оглушит наружный шум,

Дневные разгонят лучи, —

Внимай их пенью – и молчи!..

Не позднее 1830

«Как над горячею золой…»

Как над горячею золой[7 - За исключением Чайковского, никто из великих композиторов – современников Тютчева при жизни поэта не создал вокальных произведений на его слова. Один Чайковский положил на музыку в 1865 г. стихотворение Тютчева «Как над горячею золой…» и его перевод из Гёте «Ты знаешь край, где мирт и лавр растет…».]

Дымится свиток и сгорает,

И огнь, сокрытый и глухой,

Слова и строки пожирает,

Так грустно тлится жизнь моя

И с каждым днем уходит дымом;

Так постепенно гасну я

В однообразье нестерпимом!..

О небо, если бы хоть раз

Сей пламень развился по воле,

И, не томясь, не мучась доле,

Я просиял бы – и погас!

Не позднее 1830

«За нашим веком мы идем…»

За нашим веком мы идем, —

Как шла Креуза[8 - Креуза — жена троянского героя Энея. Креузе было предсказано оракулом, что ей не суждено покинуть Трою, поэтому она, последовав за мужем, когда тот оставил Трою, в дороге все время отставала от него и в конце концов исчезла: согласно мифу, ее взяла к себе мать Энея – богиня любви Афродита.] за Энеем:

Пройдем немного – ослабеем,

Убавим шагу – отстаем.

Не позднее 12 декабря 1830

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ (Из Уланда)

О, не кладите меня

В землю сырую

Скроите, заройте меня

В траву густую!

Пускай дыханье ветерка

Шевелит травою,

Свирель поет издалека,

Светло и тихо облака

Плывут надо мною!..

Не позднее первых месяцев 1832

«На древе человечества высоком…»

На древе человечества высоком

Ты лучшим был его листом[9 - Посвящено памяти Гёте, который скончался 22 марта 1832 года.],

Воспитанный его чистейшим соком,

Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою

Созвучней всех на нем ты трепетал!

Пророчески беседовал с грозою

Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не бурный ливень летний

Тебя сорвал с родимого сучка:

Был многих краше, многих долголетней,

И сам собою пал, как из венка!

После 22 марта 1832

Рассказывая дочери Анне о ее матери и своей первой жене, Тютчев называет прожитые с ней годы прекрасными:

«Первые годы твоей жизни, дочь моя, которые ты едва помнишь, были для меня самыми прекрасными, самыми полными годами страстей… Мы были так счастливы! Нам казалось, что они не кончатся никогда, – так богаты, так полны были эти дни».

На самом деле, обстановка в его первой семье была отнюдь не безоблачной. Прелестная госпожа Тютчева отчаянно ревновала своего некрасивого мужа, ведь он постоянно был кем-то очарован, к тому же хронически не хватало денег даже на самое скромное существование, а главное, «Теодор» все чаще и чаще впадал в меланхолию… И тем не менее жизнь и вправду была почти сносной. До января 1833 года. 15 января этого года Федор Тютчев написал странные стихи и назвал их «Probleme»

PROBL?ME[10 - Проблема (франц.). – Ред.]

С горы скатившись, камень лег в долине.

Как он упал? никто не знает ныне —

Сорвался ль он с вершины сам собой,

Иль был низринут волею чужой?

Столетье за столетьем пронеслося:

Никто еще не разрешил вопроса.

15 января 1833

В январе 1833 года в жизнь Тютчева, словно камень, сброшенный с горы, – кем сброшенный – всесильным Роком или слепым Случаем? – ворвалась новая большая любовь к молодой и прелестной вдове Эрнестине фон Дёрнберг, а за ней – шлейф проблем…

В те январские дни в Мюнхен на традиционный зимний карнавал приехали барон и баронесса фон Дёрнберг. На балу в посольстве барону внезапно сделалось дурно. Заметив, что его Эрнестина оживленно разговаривает с каким-то крайне некрасивым русским, Карл Дёрнберг подошел, попросил баронессу не беспокоиться, он-де уедет один, а ее собеседнику сказал: «Поручаю Вам свою жену». Недомогание оказалось тифом. Падчерица Эрнестины, Дарья Тютчева, рассказывала со слов мачехи:

«Маменька… по возвращению домой застала мужа совсем больным… Когда он умер, она долго не могла прийти в себя от ужаса и недоумения. Вместе с братом она уехала из Мюнхена в Ратисбонн. Там ее брат заболел той же болезнью».

Брат Эрнестины Карл Пфеффель выздоровел, уже в марте вернулся в Мюнхен и писал нежно любимой сестре, что господин Тютчев крайне ею «интересуется». Эрнестина и сама знала, что произвела на русско го поэта сильное впечатление. Через год они пересеклись в Мюнхене и поняли, что созданы друг для друга.

«Что ты клонишь над водами…»

Что ты клонишь над водами,

Ива, макушку свою?

И дрожащими листами,

Словно жадными устами,

Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет

Каждый лист твой над струей…

Но струя бежит и плещет,

И, на солнце нежась, блещет,

И смеется над тобой…

Не позднее 1835

«В душном воздухе молчанье…»

В душном воздухе молчанье[11 - Стихотворение посвящено Эрнестине фон Дёрнберг.],

Как предчувствие грозы,

Жарче роз благоуханье,

Звонче голос стрекозы…

Чу! за белой, дымной тучей

Глухо прокатился гром;

Небо молнией летучей

Опоясалось кругом…

Жизни некий преизбыток

В знойном воздухе разлит,

Как божественный напиток,

В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует

Дымку персей молодых?..

Что мутится, что тоскует

Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает

Пламя девственных ланит?

Что так грудь твою спирает

И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые

Проступили две слезы…

Иль то капли дождевые

Зачинающей грозы?..

Не позднее 1835

«Вечер мглистый и ненастный…»

Вечер мглистый и ненастный…

Чу, не жаворонка ль глас?..

Ты ли, утра гость прекрасный,

В этот поздний, мертвый час?..

Гибкий, резвый, звучно-ясный,

В этот мертвый, поздний час,

Как безумья смех ужасный,

Он всю душу мне потряс!..

Не позднее 1835

СОН НА МОРЕ

И море и буря качали наш челн;

Я, сонный, был предан всей прихоти волн.

Две беспредельности были во мне,

И мной своевольно играли оне.

Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,

Окликалися ветры и пели валы.

Я в хаосе звуков лежал оглушен,

Но над хаосом звуков носился мой сон.

Болезненно-яркий, волшебно-немой,

Он веял легко над гремящею тьмой.

В лучах огневицы развил он свой мир —

Земля зеленела, светился эфир,

Сады-лавиринфы, чертоги, столпы,

И сонмы кипели безмолвной толпы.

Я много узнал мне неведомых лиц,

Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,

По высям творенья, как бог, я шагал,

И мир подо мною недвижный сиял.

Но все грезы насквозь, как волшебника вой,

Мне слышался грохот пучины морской,

И в тихую область видений и снов

Врывалася пена ревущих валов.

Сентябрь (?) 1833

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала

В тени, в пыли забытого угла;

Но лишь луны, очаровавшей мглу,

Лазурный свет блеснул в твоем углу,

Вдруг чудный звон затрепетал в струне

Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?

Иль старину тебе он вспомянул —

Как по ночам здесь сладострастных дев

Давно минувший вторился напев,

Иль в сих цветущих и поднесь садах

Их легких ног скользил незримый шаг?

21 апреля 1834

«Я лютеран люблю богослуженье…»

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь…
Но час настал, пробил… Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

«О чем ты воешь, ветр ночной?..»

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,

То глухо жалобный, то шумно?

Понятным сердцу языком

Твердишь о непонятной муке —

И роешь и взрываешь в нем

Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой

Про древний хаос, про родимый!

Как жадно мир души ночной

Внимает повести любимой!

Из смертной рвется он груди,

Он с беспредельным жаждет слиться!..

О, бурь заснувших не буди —

Под ними хаос шевелится!..

Не позднее 1835

«Поток сгустился и тускнеет…»

Поток сгустился и тускнеет,

И прячется под твердым льдом,

И гаснет цвет, и звук немеет

В оцепененье ледяном, —

Лишь жизнь бессмертную ключа

Сковать всесильный хлад не может:

Она все льется – и, журча,

Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,

Убитой хладом бытия,

Не льется юности веселой,

Не блещет резвая струя, —

Но подо льдистою корой

Еще есть жизнь, еще есть ропот —

И внятно слышится порой

Ключа таинственного шепот.

Не позднее 1835

«И гроб опущен уж в могилу…»

И гроб опущен уж в могилу,

И все столпилося вокруг…

Толкутся, дышат через силу,

Спирает грудь тлетворный дух…

И над могилою раскрытой,

В возглавии, где гроб стоит,

Ученый пастор, сановитый,

Речь погребальную гласит…

Вещает бренность человечью,

Грехопаденье, кровь Христа…

И умною, пристойной речью

Толпа различно занята…

А небо так нетленно-чисто,

Так беспредельно над землей…

И птицы реют голосисто

В воздушной бездне голубой…

Не позднее 1835

«Восток белел. Ладья катилась…»

Восток белел. Ладья катилась[12 - Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.],

Ветрило весело звучало, —

Как опрокинутое небо,

Под нами море трепетало…

Восток алел. Она молилась,

С чела откинув покрывало,

Дышала на устах молитва,

Во взорах небо ликовало…

Восток вспылал. Она склонилась,

Блестящая поникла выя, —

И по младенческим ланитам

Струились капли огневые…

Не позднее 1835

«Как птичка, раннею зарей…»

Как птичка, раннею зарей

Мир, пробудившись, встрепенулся…

Ах, лишь одной главы моей

Сон благодатный не коснулся!

Хоть свежесть утренняя веет

В моих всклокоченных власах,

На мне, я чую, тяготеет

Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,

Как ненавистны для меня

Сей шум, движенье, говор, крики

Младого, пламенного дня!..

О, как лучи его багровы,

Как жгут они мои глаза!..

О ночь, ночь, где твои покровы,

Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,

Вы, пережившие свой век!

Как ваших жалоб, ваших пеней

Неправый праведен упрек!

Как грустно полусонной тенью,

С изнеможением в кости,

Навстречу солнцу и движенью

За новым племенем брести!..

Не позднее 1835

«Там, где горы, убегая…»

Там, где горы, убегая,

В светлой тянутся дали,

Пресловутого Дуная

Льются вечные струи…

Там-то, бают, в стары годы,

По лазуревым ночам,

Фей вилися хороводы

Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели,

И, навесясь с гор крутых,

Замки рыцарей глядели

С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,

Заключен и одинок,

Перемигивался с ними

С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,

Проходя за строем строй,

И беседу продолжали

Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,

Воин-сторож на стене

Слышал, тайно очарован,

Дальний гул, как бы во сне.

Чуть дремотой забывался,

Гул яснел и грохотал…

Он с молитвой просыпался

И дозор свой продолжал.

Все прошло, все взяли годы

Поддался и ты судьбе,

О Дунай, и пароходы

Нынче рыщут по тебе.

Не позднее 1835

«Сижу задумчив и один…»

Сижу задумчив и один,

На потухающий камин

Сквозь слез гляжу…

С тоскою мыслю о былом

И слов в унынии моем

Не нахожу.

Былое – было ли когда?

Что ныне – будет ли всегда?..

Оно пройдет —

Пройдет оно, как все прошло,

И канет в темное жерло

За годом год.

За годом год, за веком век…

Что ж негодует человек,

Сей злак земной!..

Он быстро, быстро вянет – так,

Но с новым летом новый злак

И лист иной.

И снова будет все, что есть,

И снова розы будут цвесть,

И терны тож…

Но ты, мой бедный, бледный цвет,

Тебе уж возрожденья нет,

Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,

С каким блаженством и тоской,

То знает Бог!..

Останься ж на груди моей,

Пока любви не замер в ней

Последний вздох.

Не позднее 1835

«Нет, моего к тебе пристрастья…»

Нет, моего к тебе пристрастья

Я скрыть не в силах, мать-Земля!

Духов бесплотных сладострастья,

Твой верный сын, не жажду я.

Что пред тобой утеха рая,

Пора любви, пора весны,

Цветущее блаженство мая,

Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,

Весенний, теплый воздух пить,

На небе чистом и высоком

Порою облака следить;

Бродить без дела и без цели

И ненароком, на лету,

Набресть на свежий дух синели[13 - Синель – сирень.]

Или на светлую мечту…

Не позднее 1835

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый…»

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит…

На мир дневной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул…
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул…

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

Не позднее 1835

«Тени сизые смесились…»

Тени сизые смесились,

Цвет иоблекнул, звук уснул —

Жизнь, движенье разрешились

В сумрак зыбкий, в дальний гул.

Мотылька полет незримый

Слышен в воздухе ночном…

Час тоски невыразимой!..

Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,

Лейся в глубь моей души,

Тихий, томный, благовонный,

Все залей и утиши.

Чувства – мглой самозабвенья

Переполни через край!..

Дай вкусить уничтоженья,

С миром дремлющим смешай!

Не позднее 1835

«Какое дикое ущелье!..»

Какое дикое ущелье!

Ко мне навстречу ключ бежит —

Он в дол спешит на новоселье…

Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,

Сижу здесь, радостен и тих…

Ты к людям, ключ, спешишь в долину —

Попробуй, каково у них!

Не позднее 1835

«С поляны коршун поднялся…»

С поляны коршун поднялся,

Высоко к небу он взвился;

Все выше, дале вьется он,

И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала

Два мощных, два живых крыла —

А я здесь в поте и в пыли,

Я, царь земли, прирос к земли!..

Не позднее 1835

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым

Фонтан сияющий клубится;

Как пламенеет, как дробится

Его на солнце влажный дым.

Лучом поднявшись к небу, он

Коснулся высоты заветной —

И снова пылью огнецветной

Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,

О водомет неистощимый!

Какой закон непостижимый

Тебя стремит, тебя мятет?

Как жадно к небу рвешься ты!..

Но длань незримо-роковая,

Твой луч упорный преломляя,

Свергает в брызгах с высоты.

Не позднее апреля 1836

«Зима недаром злится...»

Зима недаром злится,

Прошла ее пора —

Весна в окно стучится

И гонит со двора.

И все засуетилось,

Все нудит Зиму вон —

И жаворонки в небе

Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет

И на Весну ворчит.

Та ей в глаза хохочет

И пуще лишь шумит…

Взбесилась ведьма злая

И, снегу захватя,

Пустила, убегая,

В прекрасное дитя…

Весне и горя мало:

Умылася в снегу

И лишь румяней стала

Наперекор врагу.

Не позднее апреля 1836

«Душа хотела б быть звездой…»

Душа хотела б быть звездой,

Но не тогда, как с неба полуночи

Сии светила, как живые очи,

Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом

Палящих солнечных лучей,

Они, как божества, горят светлей

В эфире чистом и незримом.

Не позднее апреля 1836

«Яркий снег сиял в долине...»

Яркий снег сиял в долине, —

Снег растаял и ушел;

Вешний злак блестит в долине, —

Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет

Там, на высях снеговых?

А заря и ныне сеет

Розы свежие на них!..

Не позднее апреля 1836

«Не то, что мните вы, природа…»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Текст, набранный курсивом, принадлежит составителю.

2

Игра в прятки (франц.). – Ред.

3

Речь идет о так называемых водоискателях, умевших чуять «ток подземных вод». По всей вероятности, Тютчев подозревал, что и он подвержен этому, с точки зрения нормальных людей, «безумию», поскольку понимал, слышал и видел в природе то, чего напрочь не замечали окружающие.

4

Существует предположение, что стихотворение является откликом на «роковые» события Июльской революции 1830 года во Франции.

5

Зараженный воздух (итал.). – Ред.

6

Молчание! (лат.). – Ред.

7

За исключением Чайковского, никто из великих композиторов – современников Тютчева при жизни поэта не создал вокальных произведений на его слова. Один Чайковский положил на музыку в 1865 г. стихотворение Тютчева «Как над горячею золой…» и его перевод из Гёте «Ты знаешь край, где мирт и лавр растет…».

8

Креуза — жена троянского героя Энея. Креузе было предсказано оракулом, что ей не суждено покинуть Трою, поэтому она, последовав за мужем, когда тот оставил Трою, в дороге все время отставала от него и в конце концов исчезла:

согласно мифу, ее взяла к себе мать Энея – богиня любви Афродита.

9

Посвящено памяти Гёте, который скончался 22 марта 1832 года.

10

Проблема (франц.). – Ред.

11

Стихотворение посвящено Эрнестине фон Дёрнберг.

12

Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

13

Синель – сирень.

Купить: https://tellnovel.com/marchenko_fedor/o-ty-poslednyaya-lyubov-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити